

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ю. К. БЕГУНОВ

«Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви

Во время занятий в фонде редких и рукописных книг Пермской государственной публичной библиотеки имени А. М. Горького мое внимание привлек скорописный сборник XVII в., хранящийся под шифром $\frac{091}{C-421}$ и в нем неизвестное произведение, одна часть которого помещена в начале 15-го «слова» «Просветителя» Иосифа Волоцкого (36-я тетрадь сборника), а другая — в 44-й тетради того же сборника.¹ Приводим этот текст целиком.

^а «Сие слово иное, а не ис тое книги.⁶

В та же времена восхотѣ князь великий Иван Васильевич у митрополита и у всѣх владыкъ и у всѣх монастырей села поимати и вся к своим соединити. Митрополита же и владыкъ и всѣх монастырей из своая казны деньгами издолвити и хлѣбом изоброчити из своих житницъ.

Призываетъ убо митрополита и всѣх владыкъ и архимандритовъ и игуменовъ и своая мысли совѣтъ имъ открывает и вси ему повинущася, боящеся, да не власти своая отпадут.

Призывает же князь великий игумена Серапиона Троицкаго Сергиева монастыря, да и той отдасть села Сергиева монастыря. Приходит же Серапионъ, игумень Троицкий, на соборъ и глаголетъ великому князю: «Азь убо приидох к живоначальнѣй Троицы в Сергиевъ монастырь сель монастырю не вдах, единъ у себя имѣя посох и мантию».

Приходит же к великому князю и Ниль, чернецъ з Белоозера, высоким житиемъ || словый сый, и Денись, чернецъ Каменский, и глаголетъ великому князю: «Не достоитъ чернцемъ^в сель имѣти». К симъ же приста и Василий Борисовъ, тферския земли боярин, та же и дѣти великаго князя: и князь великий Василий, князь Дмитрей Углецкий присташа к совѣту отца своего.³ И дьяки⁴ введенныя по великом князѣ глаголаху: «Не достоитъ чернцемъ сель имѣти». Князь же Георгий всесвѣтлое ничтоже о сих не глаголах.

^{а-б} Этот заголовок на верхнем поле листа. ^в Испр.; в ркп. черцемъ. ³⁻⁴ В ркп. дьяки; сбоку на поле исправлено и дьяки.

¹ Сердечно благодарю старшего библиотекаря Пермской государственной публичной библиотеки им. А. М. Горького П. Т. Колесникову за помощь в получении фотоконий и в определении внешних палеографических данных рукописи, а также старшего библиографа Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Н. Н. Розова за содействие при высылке сборника из Перми в Ленинград для занятий. Текст передается, согласно правилам, принятым в ТОДРА: ъ, ѣ, ь везде сохраняются.

Приходит к митрополиту к Симону Серапионъ, игумень Троицкый, и глаголет ему: «О священная главо! Азь убо нищий противу великому князю глаголю. Ты же о сих ничто же не глаголещи». Митрополитъ же Серапиону игумену отвѣща: «Отшли убо от себе Дениса черньца, аз с вами единою глаголю». Серапионъ же митрополиту глагола: «Ты глава всѣм нам, ты ли ся сего боиши?»

Та же митрополит совокупився архиепископы и епископы, и архимандриты, и игумены и пришед со всѣми глаголатъ великому князю: «Аз убо сель пречистыя церкви не отдаю,^е || ими же владѣли прежнии митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексѣй. Тако же и братия моя, архиепископы и епископы, и архимандриты, и игумены, сель не отдают церковных».

Та же глаголетъ митрополитъ Генадію, архиепискому новгородскому: л. 347 «Что убо противу великому князю ничтоже не глаголещъ? || С нами убо многогѣчивъ еси. Нынѣ же ничто же не глаголещъ? Генадій же отвѣща: «Глаголете убо вы, азь бо ограбленъ уже прежде сего».

Генадій нача глаголати противу великому князю о церковных землях. Князь же великій многимъ лаянием уста ему загради, вѣды его страсть сребролюбную. Князь же великій, вся оставив, и глаголетъ: «Вся сия творит Серапионъ, игумен Троицкый».

Послѣди же сих есть волость, зовома Илемна, и нѣкоторые си чловецы, злу ради, живуще близ волости тоя, навадиша великому князю, глаголюще: «Конанъ чернецъ переорал землюю между и твою ореть землю, великаго князя». Князь же великій вскоре повелъ черньца представить судищу своему. Мало же испытуя черньца,^{*} посла его в торгъ и повелъ его кнутиемъ бити. А на игумене же Серапионѣ повелъ недѣльщикомъ взяти 30 рублей. И призывает же келаря Васяна и с прещением повелъ всѣх сель || монастырских грамоты к себѣ привести. Васьянъ же келарь призывает недѣльщики и глаголетъ им: «Возьмите, братие, денги, иже повелѣваетъ князь велики». И ни единъ же от них на денги руки не прострѣ, глаголюще: «Не буди нам руки прострѣти на серебро Сергіева монастыря, да не огъзееву проказу примемъ». Серапионъ же игумен входит в церковь богоявления господа бога нашего Исуса Христа и посылает келаря Васяна в монастырь и повелъ в грамотами быти старымъ старцемъ, которые ис келей не исходят. Священницы же и оставшая братия от церкви да не отходят, предстояще рауѣ Сергія чудотворца день и ношъ. Старые же старцы двигнушася, овии на конех, инии же на колесницах, инии же на носилах. В ту же ношъ, в ню же старцы тѣ двигнушася из монастыря, прииде же посѣщение от бога на великаго князя самодержца: отнял у него руку и ногу и глаз. В полунощи же посылает по игумена Серапиона и по старцы, прощения прося, и милостыню посылает довольну к братии. Серапионъ же игумен съ братьемъ возвратися в свой монастырь, аки нѣккии ратницы крѣпцыи от брани возвратишася, славу воздаша богу, великаго князя самодержца смирившаго».

Сборник, в котором читается данный текст, представляет собой толстую рукопись в деревянном, покрытом желтой тисненой кожей переплете, с двумя застежками, форматом в 4-ку; сборник писан семью скорописными

^е Сбоку на поле помета зри; на нижнем поле листа тем же почерком приписано. Сего слова конецъ в восьмой тетрати, в восьмом листѣ. Посредине л. 346 об. вместо заголовка тем же почерком приписано сие слово иное, что писано указано в восьмой тетрати. Се и конец того слова. Сбоку на поле приписки, зри егда вотчины у церквей и монастырей отняли было, в Просветителе же 15 слово ж Иср.; в ркп. ченьца

почерками первой четверти XVII в. и насчитывает 487 листов.² В XIX в. этот сборник находился в руках по крайней мере трех владельцев: (1) в 1831 г. в селе Шартас или Шарташском, близ г. Екатеринбурга; (2) в 1878 г. в Екатеринбургском духовном правлении; (3) в Пермской духовной семинарии, куда в конце 70-х—начале 80-х годов прошлого столетия были переданы рукописные книги из Екатеринбургского духовного правления. В 1918 г. этот сборник в составе собрания Фундаментальной библиотеки Духовной семинарии был передан в Городскую библиотеку, ныне Государственную публичную библиотеку им. А. М. Горького.

Филиграни сборника (например, на лл. 161, 191, 210, 311, 346) одни и те же — крепостные ворота с двумя башнями и с фигурой перед воротами, изображающей землю, как №№ 3309, 4175 из альбома Н. П. Лихачева из рукописей 1600—1601 гг.³

В середине и в конце сборника имеются записи, которые позволяют его датировать 1621 г. На л. 310 об. имеется приписка: «Сие есть конецъ книзѣ сей Иосифа Провсвѣтителя. Писана сия книга лѣта 7129-го» (т. е. 1621 г.). На л. 464 имеется приписка: «От времени же временену учащения день тысящи два ста девять десять. Блаженъ терпѣя и постигий въ дни девять десять триста тридесять пять. Словеса убо писанная придоша въ конецъ, уму же да не будет когда прѣяти конецъ. В любительстве душепитательных словесъ кое убо когда будет влаги же насыщение». «День тысящи два ста девять десять» — это «день 1290», по всей вероятности, может быть расшифрован как 129-й год 7-й тысячи, т. е. как 7129 г. Эта дата согласуется с датой приписки в конце «Просветителя» Иосифа Волоцкого (7129). «Въ дни девять десять триста тридесять пять» — это 335-й день девятого (т. е. 7129-го) года или 1 августа 1621 г. Очевидно, «Пермский» сборник был сшит в 1621 г. (не позднее 1 августа) из нескольких сборников меньшего объема (на нижнем поле сборника имеются буквенные обозначения тетрадей с 1 по 44 (лл. 1—346), с 1 по 7 (лл. 387—442), с 1 по 3 (лл. 443—464)). В составе этого сборника нет ни одного произведения моложе начала XVII в.: к началу XVII в. относятся распространенная редакция Жития псковского князя Довмонта-Тимофея, «Повесть о чудном видении спасова образа» из Новгородской Забелинской летописи начала XVII в.; к концу XVI в. относится выписка из «Хождения» Трифона Коробейникова «О путях к Царьграду и Иерусалиму», к 1565—1571 гг. — «Повесть о чудесах образа богородицы Одигитрии на Выдропуске», к середине XVI в. — третья редакция «Просветителя» Иосифа Волоцкого, «Сказание Максима, старца горы Синайския», «Повесть о царице Динаре», к началу XVI в. — «Послание» Филофея «на звездочетцы» и первая редакция Хронографа. Остальные сочинения, составляющие Пермский сборник, переводные, известные в русской литературе XI—XII вв.: из Синайского патерика, из Физиолога, Житие Евстафия, Апокрифы Ипполита, папы Римского, «Об антихристе», «Слово о псалтыри, како списася царем Давидом», выписки из Типика (церковного устава), поучения «отцов церкви».

Новонайденное произведение находится в самом конце первой части сборника, состоящей из 44 тетрадей, написанных единым почерком в 1621 г., — в 36-й и 44-й тетрадях. Состав этой части сборника следующий.

² Ввиду ограниченного объема статьи полное описание состава рукописи и всех находящихся на ней записей не могло войти в нее. Это описание передано мной в каталог Пермской государственной публичной библиотеки им. А. М. Горького, где хранится сборник.

³ Лихачев. Вод. зн. ч. II, стр. 117—118; ч. III, табл. ССССXXXVII, DCXXII.

Лл. 1—284, 285 об.—310 об.: «Просветитель» Иосифа Волоцкого под заглавием: «Сказание инока Иосифа грѣшнаго о новоявившейся ереси новгородских еретиковъ и отступниковъ Алексѣя протопопа и Дениса попа, и Федора Курицына, и всѣх, иже такоже мудръствующих». (Нач.: «Подобаетъ вѣдати, яко многи ереси в различныя лѣта и времена диаволь внесе...»). Это список полного, шестнадцатисловного «Просветителя» пространной редакции со «Сказанием о новоявившейся ереси» в третьей редакции (совпадает с разночтениями нифонтовского списка).⁴ На полях — ряд приписок и дополнений о митрополите Зосиме, о Пахомии, основателе трех первых монастырей, из Хронографа третьей редакции («зри», «зри опасно», «зри испытанно»).

Лл. 284 об.—285 об.: «Сие слово иное, а не ис тое книги».

Лл. 311—320: Послание инока Елеазарова монастыря Филофея к дяку Мисюрю Мунехину «на звездочетцы» (Нач.: «Государя великого князя дяку государю имя рек Елизарева монастыря нищий богомольць старецъ имя рек бога молить и челом биеть...»)⁵

Лл. 320—346 об.: «Сказание Максима, старца горы Синайския», на полях прибавлено: «царю Ивану в мужеложестве» (Нач.: «Господи Иисусе Христе, сыне едиnorodный, безначальнаго ти отца реки пречистыми ти усты...»)⁶

Лл. 346 об.—347 об.: «Сие слово иное, что писано указано в восьмой тетради. Се и конец того слова».

Как видим, новонайденный памятник не имеет собственного заглавия: дважды он назван составителем сборника 1621 г. «Словом иным, а не ис тое книги», т. е. не из «Просветителя» Иосифа Волоцкого, который составитель сборника именует «книгой».⁷ Из этого названия видно, что писец предупреждал читателя о независимости «слова» от того текста, в который оно по частям вписано. По-видимому, причина, по которой «Слово иное» оказалось вписанным в текст «Просветителя», была чисто внешней: заметив пропущенные им при переписке этого произведения свободные листы, писец заполнил их текстом другого сочинения, тщательно выделив его пометами из окружающего текста.

Новонайденное произведение представляет интерес как для исследователей общественно-политической борьбы вокруг вопроса о монастырском

⁴ Исследователю литературной истории текста «Просветителя» Я. С. Лурье этот список известен не был (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 477—486). Он относится к Ундольскому изводу третьей редакции «Просветителя», возникшему в 40—50-е годы XVI в. (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Стр. 456; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века М.—Л., 1960, стр. 471—473).

⁵ Текст Послания инока Елеазарова монастыря Филофея к Мисюрю Мунехину «на звездочетцы» издан: В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901, приложение, стр. 37—47.

⁶ «Сказание Максима, старца горы Синайския» известно в рукописи XVI в. — ГИМ, Синодальное собрание, № 935, лл. 308—333 об. А. В. Горский и К. Н. Невоструев по поводу этого «Сказания» заметили следующее: «Пространное послание к царю, имя которого не означено, но должно быть Иоанну Васильевичу, писано не Максимом Греком, а кем-то из русских об искоренении некоторых плотских пороков, усилившихся в России» (А. В. Горский и К. Н. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писание св. отцев. 3. Разные богословские сочинения. М., 1862, стр. 628—629). Однако никаких аргументов в пользу своего предположения А. В. Горский и К. Н. Невоструев не привели. Текст этого «Сказания» не был включен в трехтомное собрание сочинений Максима Грека. В 1874 г. оно было опубликовано по рукописи Софийского собрания № 1281 (ЧОИДР, 1874, кн. 1, отд. I, стр. 69—87).

⁷ В дальнейшем называем памятник этим условным наименованием.

землевладении в начале XVI в., так и для исследователей древнерусской публицистики и общественной мысли XVI в. В нем сообщаются чрезвычайно важные и новые факты о соборе 1503 г. и о конфликте между великим князем Иваном III и Троице-Сергиевым монастырем, дополняющие и уточняющие сведения, известные по опубликованным источникам о соборе 1503 г.: 1) «Соборному ответу» великому князю Ивану III (в двух редакциях),⁸ 2) «Прению Вассиана с Иосифом Волоцким», составленному около 1515 г.,⁹ 3) «Письму о нелюбках», составленному в 40-е годы XVI в. (не ранее 1532 г.) со слов монахов-иосифлян Нила Полева и Дионисия, князя Звенигородского,¹⁰ 4) Житию Иосифа Волоцкого, составленному сподвижником Зиновия Отенского агиографом Львом-Аникитой Филологом в середине XVI в. (между 1539 и 1566 г.),¹¹ кратко излагающему весь ход соборных заседаний, 5) Житию Серапиона, архиепископа Новгородского, по мнению некоторых исследователей, основывающему на известиях Жития Иосифа Волоцкого и датируемому серединой XVI в.¹²

«Слово иное», судя по характеру сообщаемых в нем сведений, стоит ближе к «Соборному ответу», чем к поздним источникам «Письму о нелюбках» и Житиям Иосифа и Серапиона. В нем ничего не говорится ни о полемике между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, ни о выступлении последнего. Согласно «Слову иному», основные споры на соборных заседаниях разворачиваются не между «нестяжателями» и «иосифлянами», а между великим князем Иваном III и соборным большинством во главе с митрополитом Симоном. Если верить нашему источнику, намерения великого князя были вполне определенными: «у митрополита и у всѣх владыкъ и у всѣх монастырей села поимати и вся к своим соединити», т. е. это означало бы полную, а не частичную секуляризацию всех земель церкви, в том числе монастырских церковных и святительских с компенсацией духовенства взамен утраченных вотчин деньгами и хлебом. Как известно, «нестяжатели» вопрос о секуляризации в такой плоскости не ставили, ограничиваясь лишь постановкой вопроса в морально-этическом плане; вотчинный быт монастырей противоречит духу обета иноков, монахам не подобает владеть селами и нивами и жить за счет эксплуатации крестьян.¹³ Следовательно, постановка вопроса о секуляризации на соборе 1503 г. исходила не от «нестяжателей», а от самого великого князя Ивана III, понимавшего необходимость воспрепятствовать непомерному росту землевладения церкви и создать экономическую базу для укрепления централизованного государства. В своей борьбе за секуляризацию на соборе Иван III опирался на заволжских старцев-пустынников — Нила, чернца с Белоозера,¹⁴ и Дениса, чернца Каменского,¹⁵ на некоторые круги

⁸ Издание текста см.: Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зиминой и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 322—329.

⁹ Издание текста см.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 279.

¹⁰ Издание текста см.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 366—369.

¹¹ С. Иванов. Кто был автором анонимного жития пр. Иосифа Волоцкого? — Богословский вестник, т. III, сентябрь. СПб., 1915, стр. 173—190; издание текста см.: ЧОИДР. М., 1903, кн. 3, отд. II, стр. 1—47.

¹² А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1953, стр. 174—175; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века, стр. 429—430; текст «Жития» Серапиона не издан.

¹³ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев..., стр. 78 и сл.

¹⁴ Нил Сорский (1433—1508), основатель заволжского пустынножительства, об участии которого в работе собора 1503 г. говорится также в «Прении Вассиана» и в «Письме о нелюбках».

¹⁵ Возможно, что это был Дионисий [в миру Данило Васильевич Лупа, князь Звенигородский, умерший в 1538 г. (см.: П. Долгоруков. Российская родословная

богатого тверского боярства (Василий Борисов)¹⁶ и представителей великокняжеской администрации (введенные дьяки),¹⁷ на своих сыновей — князя великого Василия, князя Дмитрия Углицкого. Лишь один князь Георгий «всесвѣтлое ничто же о сих не глаголах».¹⁸ Все же остальные вышеназванные лица выступили на соборе с призывом: «Не достоить чернцемъ сель имѣти».

«Слово иное» — первый среди известных нам источников называет членов великокняжеской семьи, представителей государственного аппарата и боярства в числе активных борцов за секуляризацию. Очевидно, что правительство Ивана III рассматривало секуляризацию как новый источник увеличения земельных фондов для покрытия все возрастающих государственных расходов и для раздачи растущему дворянству. Секуляризация, очевидно, устраивала и известные круги боярства, надевшегося отвлечь внимание правительства от боярских вотчин, приостановить процесс поглощения выморочных боярских вотчин монастырями и получить обратно часть своих земельных вкладов.

В числе сторонников секуляризации мы видим и будущего государя Василия III (1505—1533), в дальнейшем продолжавшего политику ограничения роста монастырских вотчин и покровительства «нестяжателям» (митрополиту Варлааму, Вассиану Патрикееву).¹⁹

Против предложения о секуляризации решительно выступило большинство присутствовавшего на соборе духовенства. Автор «Слова иного»

книга. СПб., 1854, стр. 70)], постриженник Иосифа монастыря, который вместе с Нилом Полевым перешел к Нилу Сорскому в заволжские скиты и там жил до 1511—1512 г. (согласно «Письму о нелюбках», без разрешения Иосифа Волоцкого, а согласно «Житию Иосифа Волоцкого», составленному Львом-Аникитой Филологом, с благословения Иосифа). В начале XVI в. Дионисий, князь Звенигородский, живший в «духовной любви» с «нестяжателями», переписал «предисловие» и 11 глав «Устава Нила Сорского» [см.: ГИМ, Епархиальное собрание, № 351 (518)].

¹⁶ Василий Борисов — это богатый тверской боярин, представитель знатного рода «удалых Борисовичей», упомянутых еще в «Песне о Щелкане». Род Борисовичей или Борисовых был популярен в Твери в XVI—XVII вв. «Старший и наиболее крупный землевладелец Василий Петрович Борисович, доживавший свой век в Москве, имел села и деревни в разных волостях, но основной массив земель (109 деревень и починок) был в волости Кавь» (Н. Н. Воронин. Песня о Щелкане и тверское восстание 1327 г. — Исторический журнал. М., 1944, № 9, стр. 76; см. также: Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. 2, стр. 181, 184, 195, 226, 278, 284—287). Любопытно отметить, что в середине XVI в. два представителя этого же рода Г. Т. и Н. Т. Борисовы-Бороздины были участниками еретического кружка Матвея Башкина (см.: А. А. Зимин и И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 170).

¹⁷ Введенные, великие или большие дьяки были начальниками канцелярий крупнейших московских приказов, они входили в состав Боярской думы. Эти дьяки докладывали о делах, которые решал сам князь с советом бояр, и помечали их приговоры. (В. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902, стр. 267; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 180).

¹⁸ Старший сын Ивана Васильевича от Софьи Палеолог Василий (1479—1533) в последние годы жизни своего отца носил титул великого князя (с 1499 г.) и был его соправителем; Георгий (1480—1536) — второй сын от Софьи Палеолог; Дмитрий (1482—1521), третий сын от Софьи Палеолог, получил титул Углицкого князя, согласно завещанию своего отца, с 1505 г. (см.: СГД, т. I, № 144; А. В. Экземплярский. Углицкие владетельные князья. Ярославль, 1889, стр. 72). Два других сына Ивана Васильевича — Симеон и Андрей — в момент собора 1503 г. были еще очень молоды, первому было 16, а второму — 13 лет. Уклончивая позиция князя Георгия на соборе 1503 г. объясняется, по-видимому, его близкими, дружескими отношениями с Иосифом Волоцким (см.: В. М. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 737—740; Послания Иосифа Волоцкого, стр. 232—236, 282—284).

¹⁹ С. М. Каштанов. Ограничение феодального иммунитета правительством русского централизованного государства в 1-й трети XVI века. — Труды Московского государственного историко-архивного института, т. XI. М., 1958, стр. 269—296; Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев...

на первом месте называет Серапиона, игумена Троице-Сергиева монастыря, митрополита Симона, архиепископа новгородского Геннадия.²⁰ Автор «Слова иного» особенно подчеркивает значительную роль игумена Серапиона в деле сплочения соборного большинства против секуляризаторских намерений великого князя. «Слово иное» в сопоставлении с другими источниками позволяет нам в общих чертах воссоздать ход событий во время собора 1503 г. Но прежде всего необходимо выяснить, в какой хронологической последовательности придерживается автор «Слова иного» в изображении событий. Ведь рассказ о соборе 1503 г. не имеет конца, он как бы обрывается сообщением о разговоре архиепископа Геннадия с великим князем, во время которого последний прервал свои угрозы по адресу новгородского архиепископа («князь же великий вся оставив») и, быть может, желая оправдать свои секуляризаторские устремления, сказал: «Вся сия творит Серапионъ, игумен Троицький», далее следует рассказ о земельной тяжбе Троицкого монастыря с великим князем и последовавшей затем ссоре и смирении самодержца. В сохранившемся до наших дней актовом материале и в летописании Троице-Сергиева монастыря XVI в. никаких известий об этом событии не имеется. Впрочем, в Житии Серапиона есть намек на какие-то события в связи с попытками нанести ущерб земельным владениям Троице-Сергиева монастыря: «и живушу ему и попечение обители имущу велие, и хотящим кому что сотворити селам и весем монастырьским, не попушаше, чтобы при его пастырстве ничтоже скорбно было».²¹

Это известие находится в житии перед рассказом о соборе 1503 г. Волость Илемна, о которой идет речь в «Слове ином», было крупным земельным владением (не менее 8700 десятин), расположенным на реках Руди (приток Протвы) и Быховке, в нескольких километрах на юго-запад от Вереи.²²

Еще в 1466—1467 гг. верейский удельный князь Михаил Андреевич передал село Илемну Верейского уезда Ивану III, а Иван III в 1467 г. дал село Илемну игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию в качестве вклада «по душе» князя Петра Дмитриевича и его жены Евфросинии Полиевктовны.²³

1 июня 1467 г. верейский князь Михаил Андреевич дал Троице-Сергиеву монастырю жалованную грамоту, в которой освободил Илемну от дани, заменив ее оброком.²⁴ Тогда же было произведено размежевание земель вотчины Илемны от земель верейского князя.

Смерть последнего белозерского и верейского князя Михаила Андреевича в 1486 г. была поводом для пересмотра земельных отношений и

²⁰ Серапион (1495—1506) в 1506 г. поставлен в новгородские архиепископы; Симон (1495—1511), Геннадий (1484—1504). «Письмо о нелюбках», Жития Иосифа и Серапиона называют одним из главных участников собора Иосифа Волоцкого, якобы произнесшего речь в защиту монастырских земель. А. А. Зимин подверг сомнению факт выступления Иосифа Волоцкого с пространной речью на соборе 1503 г. о землях [А. А. Зимин. 1) О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 159—177; 2) Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г. — В кн.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 370—374]. По мнению А. А. Зимина, «речь» Иосифа была полностью измышлена составителем «Письма о нелюбках». «Слово иное» полностью умалчивает об участии Иосифа Волоцкого в соборных прениях о землях.

²¹ ГБЛ, Музейное собрание, № 6059, XVI в., л. 229 об.

²² С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 81—84.

²³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. 1. М., 1952 (далее: АСЭИ), № 342. Ср.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 178—179.

²⁴ АСЭИ, т. I, № 345.

ликвидации Белозерского и Верейского уделов. Очень скоро земли верейского князя в Илемне становятся землями великого князя, и тем самым земли в Илемне оказываются поделенными между двумя крупными феодалами — Троице-Сергиевым монастырем и Иваном III. От 70—80-х годов XV в. сохранился ряд грамот, в которых устанавливаются права монастырских старцев, слуг и крестьян на часть земель Илемской вотчины.²⁵ Однако от времени между 1488—1505 гг. до нас не сохранилось никаких документов, касающихся села Илемны, в том числе и документов в связи с делом о нарушении межи монастырским пахарем Кононом.²⁶ Земельные тяжбы монастырей с крестьянами, мелкими землевладельцами и даже с крупными феодалами были не редкостью в эпоху неуклонного роста монастырских вотчин.²⁷ В этих тяжбах в большинстве случаев великокняжеская администрация становилась на сторону монастырей-вотчинников. До находки «Слова иного» историческая наука не располагала ни одним доказательством в пользу того, что тяжбы между черносошными (государственными), крестьянами и монастырями-феодалами решались в пользу крестьян и что великокняжеская власть была защитницей фонда черносошных земель.

«Слово иное» рассказывает о том, как «некоторые си человецы», живущие близ волости Илемна, «злу ради», стали наговаривать великому князю: «Конань чернецъ переорал земленую межу и твою ореть землю, ве великаго князя». В ответ на донос илемских людей Иван III приказал позвать нарушителя на суд в Москву и наказал его кнутом на торгу, а игумену повелел выплатить огромный штраф — 30 руб. Для чего и послал в монастырь своих недельщиков (судебных исполнителей). В этом случае Иван III судил не по грамоте 1488 г., а по Судебнику 1497 г.²⁸ Непомерный штраф показался великому князю слишком малым наказанием. «И призывает же келаря Васияна,²⁹ — рассказывает «Слово иное», — и с прещением повелѣ въсѣх сель монастырских грамоты к себѣ привести». Дело принимает угрожающий для монастырских земель оборот. Нарушение земельной межи монастырским пахарем оказалось только лишь предлогом для пересмотра земельных прав крупнейшего монастыря. Рассказ «Слова иного» о дальнейших событиях напоминает монастырскую легенду с чудесами: недельщики, испугавшиеся «божьего суда», неожиданно отказываются взять с монастыря штраф, наложенный великим князем, говоря: «Не буди нам руки прострѣти на серебро Сергиева монастыря, да не огъзееву проказу приемѣтъ». Автор «Слова иного», несом-

²⁵ Там же, №№ 351, 352, 366, 377, 378, 463, 516, 533, 534.

²⁶ Благодарю Л. И. Ивину (Москва), готовящую к изданию троицкие акты XVI—XVII вв., и В. Б. Кобрину (Москва) за сообщение сведений о неизданных актах на село Илемну. После жалованной грамоты 1488 г. следующими по времени являются жалованная грамота Василия III от 16 декабря 1511 г., о приставе для села Илемна Верейского уезда и села Борисовское Куровского уезда (рпк. ЦГАДА, ГКЭ, Можайский уезд, № 6/7610); межевая грамота 1522/23 г. монастырским землям села Илемна и княжеским землям села Ильинского князя Андрея Ивановича Старицкого (рпк. ЦГАДА, ГКЭ, Верей, № 6/2333).

²⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, стр. 232—252. О нескончаемых тяжбах Троицкого монастыря с соседями из-за нарушения межи свидетельствуют документы начала XVI в. (см.: АСЭИ, т. I, №№ 628, 631, 636, 639, 640, 641, 642, 643, 651).

²⁸ Судебники XV—XVI веков. Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952, текст, статья 62, стр. 28.

²⁹ Келарь Васиян — это реальное лицо Вассиан Ковезин (1495—1511), он упоминается в деловых документах с 1495 г. См.: АСЭИ, т. I, №№ 580, 597, 598, 601, 603, 604, 612, 623, 646, 647, 655, 656; Арсений, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничьих, экономов и библиотекарей Свято-Троице-Сергиевой лавры. М., 1868, стр. 19.

ненно, имеет в виду известный библейский рассказ о том, как пророк Елисей исцелил сирийского вельможу Неемана от проказы, а раб Елисея Гиезий выпросил у Неемана якобы для своего господина два таланта серебра и две перемены риз и присвоил их себе, и как за этот проступок пророк поразил Гиезия проказой: «И проказа Нееманова да прильпнетъ къ тебе и къ семени твоему во веки. И изыде от лица его, прокаженъ яко снегъ».³⁰

Игумен Серапион входит в церковь богоявления, находившуюся на монастырском подворье в Москве,³¹ а сам посылает келаря Вассиана в монастырь и «повелѣ з грамотами быти старымъ старцемъ, которые ис келей не исходятъ». По приказу игумена «старые же старцы двигнушася овии на конех, инии же на колесницах, инии же на носилах» в Москву, к великому князю, с грамотами в ларях. Тем временем братия собралась у раки Сергия чудотворца и день и ночь служила молебны. Картина, нарисованная автором «Слова иного», очень эффектна. Поход немощных старцев-схимников на Москву увенчался неожиданным и чудесным успехом — «московской Каноссой» Ивана III. «В ту же ночь», — рассказывает «Слово иное», — в ню же старцы тѣ двигнушася из монастыря, прииде же посѣщение от бога на великаго князя самодержца: отняло у него руку и ногу, и глаз». Никоновская летопись начала XVI в. и Степенная книга 1563 г. сообщают сведения о болезни Ивана III, начавшейся 28 июля 1503 г.³² «В полунощи же, — рассказывает «Слово иное», — посылает по игумена Серапиона и по старцы, прощения прося, и милостыню посылает довольну к братии». Если верить автору «Слова иного», старцы возвратились в монастырь так, как возвращаются с поля сражения слуги «божьего войска» — «ратницы, крѣпцыи от брани», а Иван III униженно просил у братии прощения и пожаловал монастырю богатые подарки, тем самым он признал свое поражение.

В каком отношении находятся описанные в «Слове ином» события к собору 1503 г.? Великий князь рассказывал архиепископу Геннадию о конфликте с Троице-Сергиевым монастырем (до его окончания) в то время, когда споры на соборе о церковных землях еще не утихли. На соборе еще до выступления Нила Сорского и начала споров князь великий призвал к себе игумена Серапиона с требованием отдать ему села Сер-

³⁰ 4-я Книга царств, гл. V, 27. Этот же рассказ был использован в определении владимирского собора 1274 г., известном под заглавием «Правило Кюрила, митрополита русьскаго»: «Рече Елисей къ Гиезии: приять еси сребро Нееманова и ризы, нѣ и проказа его прильпнеться тобѣ и къ сѣмени твоему прильпнеться въ вѣки» (РИБ, т. VI, стлб. 88).

³¹ Каменная церковь богоявления была построена в Москве в Кремле на монастырском подворье в 1460 г. (ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 148; т. V. СПб., 1851, стр. 272; т. VI. СПб., 1853, стр. 184; т. VIII. СПб., 1859, стр. 149). Ср.: Н. А. Скворцов. Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья. Из печатных и рукописных источников I—V. — Русский архив. М., 1893, № 8, стр. 443—445. Благодарю О. А. Белоброву, обратившую мое внимание на этот факт.

³² «7011. Того же лета, месяца июля в 28 на память святых апостол Прохора и Никанора, Тимона и Пармена, князь великий Иван Васильевич всеа Русии начат изнемогати; его же бо господь любит, наказует» (Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 257). «Глава 30. О подвизе молитвы и благодарения. И тогда великий князь Иван Васильевич, государь всеа Русии, виде себя крепостию изнемогаема и болезнями удручаема и уразуме, яко от бога бысть ему таковое посещение, яко и ногами своимъ едва ходити можаше, подержим от неких, и сице яко предвозвещающая ему не вскоре от мира сего пременение животу. Тако господь, его же любит, наказует и к вечной жизни направляет, понеже терпящим наказание, яко сыновом обретается им» (Степенная книга, — ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1908). Намеки на болезнь великого князя во время собора 1503 г. имеются также в Житиях Иосифа и Серапиона: «Иванну же самодержцу тогда нечто божественное случися» (ЧОИДР, 1903, кн. 3, стр. 39).

гнева монастыря. Вторично об этом же сообщается в середине рассказа о конфликте с Троице-Сергиевым монастырем: «и призывает же келаря Васияна и с прещением повелъ всѣх сель монастырьских грамоты к себѣ привести». Очевидно, имеется в виду одно и то же событие — конфликт великого князя с Троице-Сергиевым монастырем, начавшийся еще до созыва собора, после начала весенней пахоты в 1503 г. Мы предполагаем, что донос илемских людей весной 1503 г. послужил последней каплей, переполнившей чашу терпения самодержца, после чего созыв собора и постановка на нем уже давно созревшего в великокняжеских кругах решения о секуляризации была неминуема. Далее, ход событий представляется нам следующим образом. Первое объявление этого решения собору было встречено без возражений: духовенство было застигнуто врасплох и не было готово к отпору. В это же время великий князь потребовал у игумена Серапиона отдать ему все села Троице-Сергиева монастыря. Серапион смело возразил ему. Вслед за этим на соборе выступили «нестяжатели» — Нил Сорский и Дионисий, князь Звенигородский, члены великокняжеской семьи, дьяки, боярство в поддержку предложения о секуляризации. Уступая настойчивой просьбе Серапиона, Симон со всем духовенством выступил перед великим князем с решительным протестом: «Аз убо сель пречистыя церкви не отдаю». Если верить «Соборному ответу», перед великим князем читались «списки», в которых подробно доказывалась неотъемлемость всего вданного церкви.³³ Вскоре и архиепископ Новгородский Геннадий начал говорить «противу великого князя» о церковных землях по наущению митрополита Симона.³⁴ Речь Геннадия была решительно остановлена Иваном III: «Многим лаянием уста ему загради, вѣды его страсть сребролюбную».³⁵

Если верить «Соборному ответу» после выступления Геннадия, к великому князю еще раз посылали дьяка Леваша со вторым посланием. По всей вероятности, неожиданная болезнь Ивана III 28 июля 1503 г. и неудачи в конфликте с Троице-Сергиевым монастырем и имели решающее значение для быстрого прекращения соборных споров о монастырских землях.

«Слово иное» подтверждает, что конфликт между великокняжеской властью и церковью закончился полной победой церкви, смирившей секуляризаторские поползновения самодержца.

Когда, кем и с какой целью сложено было «Слово иное»? Автор «Слова иного» хорошо осведомлен о спорах, развернувшихся на соборе 1503 г., и о расколе между его участниками, вызванном предложением великого князя все церковные «села поимати и вся к своим соединити». Он

³³ См.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 322—325.

³⁴ В ответ на вопрос митрополита: «Что убо противу великому князю ничто же не глаголешъ?» — Геннадий с горечью замечает: «Азъ бо ограбленъ уже прежде сего». В последних словах новгородского архиепископа звучит горечь по поводу секуляризационных мероприятий в Новгородской земле в 1500 г. По-видимому, именно о них он начал говорить с великим князем.

³⁵ В этих словах великого князя звучит недвусмысленный намек на симмонию, т. е. взятки, которые нередко брал новгородский архиепископ за поставление в попы. О «сребролюбии» последнего, вероятно, доносили в Москву еретики (игумен Немчинова монастыря Захар), да и не только еретики, например, летопись, враждебная ереси и сочувствующая Софии и Василию, знает о приверженности новгородского архиепископа к симмонии (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения, стр. 209); Никоновская летопись под 1504 г. сообщает, что архиепископ Геннадий оставил свой престол за немощью, а более неволею, «понеже бо приехав с Москвы на свой престол в Новгород в Великий и начат мзду имати у священников от ставления, наипаче перваго чрез свое обещание, советом единомысленнаго своего любовника и диака Михаила Иванова сына Алексеева; и обыскав то князь великий и митрополит и сведоша его с престола на Москву» (ПСРЛ, т. XII, стр. 258).

знает не только о том, что произошло на самом соборе, но и о переговорах, которые велись вне соборных заседаний; он помнит, что троицкий игумен побуждал митрополита выступить в защиту монастырского землевладения, а митрополит в свою очередь настаивал на том, чтобы Геннадий новгородский не отмалчивался. Реплики этих лиц передаются в такой форме, которая наводит на предположение, что автор либо сам их слышал, либо точно повторил рассказ свидетеля этих встреч. Никакой литературной обработки не ощущается в иронически почтительных укорах игумена митрополиту: «О священная главо! Азь убо нищий противу великому князю глаголю, ты же о сих ничто же не глаголеши», «Ты глава всѣм нам, ты ли ся сего (Дениса, — Ю. Б.) боиши». Интонации живой речи сохраняют и решительный отказ на соборе троицкого игумена подчиниться требованию великого князя: «Азь убо приидох к живоначалнѣй Троицы в Сергиевъ манастырь — сель манастырю не вдах, единь у себя имѣя посох и мантию»; и сердитый ответ Геннадия митрополиту, упрекнувшему его за то, что он отмалчивается на соборе: «Глаголете убо вы, азь бо ограбленъ уже прежде сего». Резкое осуждение всех, кто поддержал великого князя, автор выразил необычным способом: он умолчал о всех моральных и церковно-исторических доводах сторонников секуляризации и объяснил их согласие с предложением великого князя боязнью потерять свои церковные посты. По словам автора, все — от митрополита до игуменов — поначалу «повинушася, боящеся, да не власти своя отпадут».

В центре событий троицкий игумен Серапион, он ведет за собой защитников монастырских «сел». Его речи автор передает с особым вниманием и точностью. Возникает предположение, не сопровождал ли автор или тот, кто рассказал ему о соборе и связанных с ним встречах, Серапиона, когда тот был вызван на собор. Вероятно, что составитель «Слова инога» монах Троице-Сергиева монастыря, использовал не дошедшее до нас «Сказание о соборе 1503 года», исключив из него вступление (произведение начинается со слов «В та же времена», т. е. в то же самое время, о котором упоминалось ранее) и конец. В «троицкую легенду» деловитый рассказ о соборе 1503 г. начинает превращаться уже тогда, когда фигура троицкого игумена выдвигается на первый план, но особенно заметной легендарность становится в объяснении «чудом» действительных фактов. Конфликт монастыря с великим князем из-за распаханной монахом межи связывается в «Слове ином» с традиционным легендарным наказанием грешника — болезнью великого князя. Именно в этой части «Слова инога» появились и «огезева проказа», которой испугались «недельщики», и круглосуточные моления у раки Сергия, и устрашающая картина шествия в Москву всех «старцев», и немедленная кара за это — князь разбит параличом, и просьба его о прощении. Этот заключительный эпизод — присылка «милостыни довольной» братии вместе с покаянием великого князя и возвращение игумена с старцами из Москвы как «ратников крепких от брани» — уже полностью построен в духе легенды.

Построение «Слова инога» показывает, что его автор, в отличие от составителей других рассказов о соборе 1503 г., не стремился дать наиболее полное выражение идеологической платформы защитников земельных прав церкви. Тезис о неотъемлемости всех принадлежащих церкви земель он проиллюстрировал лишь на двух ярких примерах из русской истории — соборе 1503 г. и конфликте Ивана III и Троице-Сергиева монастыря. К практике русской церкви обращались сторонники монастырского землевладения и в соборном ответе 1503 г.,³⁶ в трактате Иосифа Волоц-

³⁶ Послание Иосифа Волоцкого, стр. 322—329.

кого «Яко не подобает святым Божиим церквам и монастырем обиды творити и насиле и вскишати имени и стяжания их», написанном в 1507 г. против князя Федора Волоцкого и его окружения,³⁷ в «Послании Иосифа Волоцкого к И. И. Третьякову-Ховрину», написанном в конце 1510—начале 1511 г.,³⁸ в «Послании Иосифа Волоцкого к Б. В. Кутузову», написанном в начале 1511 г.³⁹

В «трактате» Иосиф Волоцкий обращается к двум русским произведениям — Житию Леонтия Ростовского и Житию Феодосия Печорского, из которых приводит примеры о наказании воина, пытавшегося присвоить себе церковную землю, и разбойников, пытавшихся ограбить монастырское село. В «Посланиях» Иосиф Волоцкий оправдывает коммendaцию своего монастыря великому князю подобными же коммendaциями из практики русской церкви — Троице-Сергиева, Каменского и Толгского монастырей великому князю Василию Васильевичу. И в «трактате», и в обоих Посланиях неотчуждаемость монастырских земель доказывается примерами из соборных правил, сочинений отцов церкви, переводных житий. Особенно запоминаются в «трактате» и в «Послании к И. И. Третьякову-Ховрину» отрывки из второго Жития Стефана Дечанского и из 23-го послания Никона Черногорца к «магистру и князю князем» Марапе, рассказ о том, как были наказаны болезнями и напастями князья Юнец и Марапа, поднявшие руку на монастырскую собственность.⁴⁰

«Слово иное» находится в идейной близости с «Соборным ответом» 1503 г., «трактатом» и двумя посланиями Иосифа Волоцкого к И. И. Третьякову-Ховрину и к Б. В. Кутузову: божья кара настигнет того (пусть это будет даже сам носящий венец князь), кто покушается на монастырскую собственность. Однако ни один из известных апологетов монастырского стяжания не подчеркивает с такой решительностью и силой смирение государственной власти перед воинствующей церковью, как автор «Слова инога». Сам Иосиф Волоцкий до 1508 г., т. е. до сближения с Василием III, находившийся, как и архиепископ Геннадий, в оппозиции к великокняжеской власти,⁴¹ охотно мог бы разделить точку зрения автора «Слова инога». Однако, очевидно, что автор «Слова инога» не «иосифлянин», хотя он и выступает с позиции воинствующей церкви: в рассказе о соборе 1503 г. нет никаких намеков на участие Иосифа Волоцкого в соборных заседаниях и его выступление с речью. Зато игумен Серапион, политический противник Иосифа в период с 1508 по 1511 г., изображен в «Слове иноме» как выдающийся деятель церкви, благодаря энергии которого удалось отстоять право русской церкви на владение землями и посрамить самого самодержца. Какой бы ни была действительная роль Серапиона в событиях 1503 г., для нас очевидно, что автор «Слова инога» был близок к Серапиону.

Для точной датировки «Слова инога» в самом памятнике недостает прямых данных. Можно думать, что литературное оформление легенды о поражении великого князя и наказании его за покушение на земли Троицкого монастыря произошло уже после смерти великого князя (27 октября 1505 г.), после того как князь Дмитрий Иванович получил Углицкий удел

³⁷ Там же, стр. 84.

³⁸ Там же, стр. 268.

³⁹ Там же, стр. 276.

⁴⁰ Е. П. Наумов. Из истории русско-сербских средневековых связей. (Второе Житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого). — В кн.: Из истории межславянских культурных связей. К 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 17—47.

⁴¹ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 167 и сл.

(по духовному завещанию своего отца), но до того момента, когда перестали спорить о монастырском землевладении (после решений Стоглавого собора 1551 г.). Может быть, «Слово иное» сложилось в связи с тем, что менее чем через полтора месяца после смерти Ивана III — 6 декабря 1505 г. — новое правительство Василия III подтвердило жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на его «села», в том числе как раз и на те земли в Илеме, из-за которых разыгрался конфликт монастыря с Иваном III.⁴² Возможно, что и выдвижение в «Слове ином» на первый план игумена Серапиона было подсказано тем, что вскоре после этого закрепления земель он получил значительное повышение: 15 января 1506 г. он был поставлен архиепископом Новгородским. Если учесть, что в мае 1509 г. он был «пойман» и отлучен от архиепископской власти,⁴³ то составление «Слова иного» придется предположительно отнести ко времени между началом 1506 и началом 1509 г. Косвенным подтверждением того, что в этом отрезке времени обстановка для сложения «Слова иного» более подходила до 1508 г. является то, что автор ни словом не упомянул о начавшейся в этом году полемике между «иосифлянами» и «нестяжателями» по вопросу о монастырском землевладении. В то время как для источников 30—60-х годов XVI в. «Письма о нелюбках», Житий Иосифа и Серапиона характерно замалчивание противоречий между великокняжеской властью и церковью и выдвижение на первый план противоречий между «нестяжателями» и «иосифлянами», «Слово иное», так же как и «Соборный ответ» 1503 г., не скрывает, что основной водораздел борьбы на соборе 1503 г. проходил не по линии внутрицерковных группировок, а по линии великий князь — церковь.

Остается решить вопрос, почему составитель «Пермского» сборника так заинтересовался «Словом иным», что, не имея чистой бумаги, постарался хоть по частям переписать его на случайно пропущенных страницах внутри другого памятника.

Начало 20-х годов XVII в. — это время пересмотра старых юридических прав монастырей на владение землями, предпринятое в широком масштабе правительством первого царя из дома Романовых Михаила Федоровича. В это время в монастырях возобновляется работа по проверке, приведению в порядок и переписке старых документов. Так, в 1621 г. составляется Копийная книга Троице-Сергиева монастыря в связи с пересмотром всех старых документов на землевладение.⁴⁴ Может быть, появление «Слова иного» в сборнике 1621 г. в какой-то мере связано с этим событием. Если это так, то возникает и другое предположение, что сборник составлен если не троицким монахом, то книжником, близким к Троицкому монастырю. Затем он был приобретен Строгановыми и привезен в их уральскую вотчину в Шарташ, откуда и дошел до Перми.

В историю русской публицистики начала XVI в. «Слово иное» входит и как ценный исторический источник, существенно дополняющий наши сведения о начальном этапе борьбы с планами секуляризации церковных земель, и как незаурядное литературное произведение, показывающее один из путей развития этого раздела литературы. В рамки традиционной легенды о наказании грешника включен правдивый, насыщенный фактами рассказ о начале напряженной борьбы духовенства, в частности Троице-

⁴² АСЭИ, т. I, №№ 463, 516, 534 и др.

⁴³ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российских церкви. СПб., 1877, столб. 35.

⁴⁴ Л. И. Ивина. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. — Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 24. М., 1961, стр. 5—44.

кого монастыря, за свои земельные владения. Картина этой борьбы не потеряла ярких жизненных красок в ее легендарном обрамлении. Выразительные реплики защитников прав церкви на «села» показывают смелое введение в литературу народного типа литературного языка, но и повествовательные части этой монастырской легенды, придерживаясь книжных форм, в лексике избегают явных славянизмов, совершенно свободны от риторики современного «Слову» агиографического и исторического стиля. И в этом особая ценность новонайденного произведения, в котором уже ощущается характерное для публицистики середины XVI в. соединение документальной и литературной стилистики.
